

*Матьяна
Азовская*

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛИЗМУ

Для меня самым невероятным событием два года назад стало семидесятилетие Геннадия Доронина. Не потому, что он дожил до этого возраста, – в этом как раз нет ничего удивительного – друзья должны жить долго, всегда должны жить! Но как совместить это число – семьдесят – с тем, что есть Геннадий Доронин? Какая «осень патриарха», если «в душе ни одного седого волоса»? И мир по-прежнему удивляет своей новизной, загадочностью. И столько ещё книг не прочитано, и столько ещё хочется самому написать!

Тут ещё и чисто меркантильное соображение: мы молоды до тех пор, пока есть люди, которые могут назвать тебя просто «Танька», – с годами это воспринимается уже как комплимент. К сожалению, людей, у которых есть на это право, с каждым днём становится всё меньше...

Мы знакомы всю жизнь. У нас была одна школа – пятая, имени Михаила Васильевича Ломоносова. Правда, в школе мы не общались: три года возрастной разницы в детстве воспринимаются как цивилизационная пропасть. К тому же его рассказы уже тогда печатала областная газета, что вызывало восторг и уважение младшеклассников.

Мы учились в одном университете – Казахском государственном имени Кирова и на одном факультете – журналистики. Правда, на разных курсах, – он поступил через год после меня. И я была свидетелем его огушительной популярности среди студентов журфака. Его почтительно называли «Старик», его цитировали. Его появление в какой-нибудь девичьей комнате нашей общаги становилось событием.

Господи! Какое это было счастливое время! Мы ещё глотнули романтический воздух хрущёвской оттепели, мы застали время, когда поэты собирали стадионы, когда паролем «свой – чужой» становились фамилии писателей и художников, когда за очередным номером литературного журнала выстраивалась очередь.

В крохотной каморке общежития собиралось до двадцати человек. И до утра – песни под гитару, и – стихи – свои ли, чужие, – какая разница. И помню доронинский голос, глуховатый и отрешённый:

Золотистого мёда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела...

Так я впервые услышала стихи Осипа Мандельштама. Увы, в нашей молодости поэты Серебряного века были или вовсе запрещены, или печатались очень дозированно. Их творения ходили в списках. За хранение стихов Гумилёва, Ходасевича (список огромный) могли запросто отчислить из университета. Но то ли по принципу «запретный плод сладок», то ли действительно быть умным было тогда престижно, но мы свято верили заветам русских классиков: «Чтение – вот лучшее учение» и «Всемирно хорошим во мне я обязан книгам». Во всяком случае даже самые нерадивые студенты знали, что Волга впадает в Каспийское море, а Немирович-Данченко – это один человек. Телевизионные опросы нынешних недорослей шокируют своей дремучестью...

Мы и после университета не расстались. Нас соединило Уральское литературное объединение, которым руководил Николай Фёдорович Корсунов. Кто только не приходил на эти «Литературные среды»! Люди разных профессий – от преподавателей вуза до дворника или санитарки – творили здесь другую жизнь, столь не похожую на ту, которая называлась реальностью. В эти два-три часа занятий на литобъединении они чувствовали себя поэтами и писателями безо всяких кавычек, приобщёнными к удивительному миру творчества, искренне считая, что их «нетленки» принадлежат вечности.

Тогда, на литобъединении, я услышала первые рассказы Доронина, объединённые общим названием: «Миры Виктора Иванова». Они были ироничны и печальны, и уже в них герои легко перемещались во времени, убеждая читателей, что оно, время, едино и не делится на прошедшее, настоящее и будущее. Через сорок лет в романе «Остров» этот постулат автора достигнет своей вершины.

А первые книги Геннадия были вполне реалистичны. Я бы сказала, критически реалистичны.

«Старый друг уезжает» и «Пятый десяток» можно назвать камертоном предперестроечного времени, где рефлексирующие герои пытаются вырваться из круга нравственной пустоты. Закрытую рецензию на повесть «Старый друг уезжает» писал известный филолог Александр Жовтис. Его авторитет среди литераторов был непререкаемым. Хвалил он редко. Но прозу Доронина он оценил щедро, сравнив её с произведениями Ги де Мопассана, классика французской литературы. Возьму на себя смелость продолжить аналогии. Мне кажется, что по мироощущению первые книги Гены близки творчеству Александра Вампилова.

Как интересно, как здорово – и тот, и другой родом из провинции. И как бы ни эстетствовала столица, а душа народа, его болевой центр – достояние и достоинство провинции.

Наперекор миру материальному (в Уральске ещё в середине пятидесятых годов окраины не были электрифицированы, про газ и говорить нечего; на весь город – три автобусных маршрута, три кинотеатра, телевидение заработало только в шестьдесят четвёртом году) провинция рождала другой мир, где мудрости учила сама природа, где будили воображение причудливые очертания облаков и стремящиеся вдаль воды Урала, в которых отражались прибрежные заросли краснотала. А ещё были книги, которые противопоставляли замкнутости и патриархальности быта иную жизнь, где жили люди, умеющие красиво говорить и совершать героические поступки. И вся таинственность этой, иной, жизни заключалась в особом построении слов и фраз. И эта особенность была притягательна и заразительна

настолько, что однажды самому захотелось приручить слово и фразу, сделать их своей собственностью.

Отчётливо помню один наш разговор. Мы возвращались с работы в одном автобусе. А надо сказать, что долгие годы мы с Дорониным еще и соседствовали, – наши дома стояли друг против друга. Так вот, шагая от остановки к местам проживания, жаловались на заевшую текучку: журналистика – хоть тоже творчество и – в отличие от художественного – для нас – единственный источник заработка но так хотелось чего-то другого, полёта мысли и воображения, не связанного с выполнением пятилетних планов, борьбой за урожай и с безалаберностью городских коммунальных служб. Гена внезапно остановился и сказал, как приговорил: «Я – писатель. Понимаешь, я – писатель!» Для человека, который терпеть не мог пафосности, подтрунивал над любой высокопарностью, это признание имело высокое значение.

А с другой стороны, если бы Доронин не был журналистом, не увидели бы мы его телерепортажей и телеочерков, не прочитали бы в «Казахстанской правде» его фельетонов. Он, пожалуй, единственный фельетонист на ниве современной журналистики. Не было бы его публицистики, составившей книгу «Бершарал».

Эта книга, как и следующая – «Золочёное доньшко», как и полсотни книг других авторов, издана народным музеем «Старый Уральскъ» – уникальным местом современного Уральска. Его создателем и хозяйкой была Наталья Сладкова, посвятившая жизнь сбережению памяти об исчезающей многовековой культуре родного края. К сожалению, Натальи Акимовны не стало.

Как же надо любить наш маленький городок, гордиться его историей, чувствовать свою причастность к его бедам и болям, любить его людей, чтоб написать о нём вот такие строки:

«Я не устаю повторять: Уральск – необыкновенный город... Может быть, ещё не выветрился здесь воздух казачьей вольницы, может быть, лёгкая пушкинская тень всё ещё скользит по вековым стенам старинных особняков, может быть, действительно течёт в наших местах чистейший Кастальский ключ, попьёшь из него воды и – нет, не козлёночком станешь, хуже – поэтом и будешь всю жизнь изводить себя и близких рифмами, этой сладкой отравой души. Нет, не знаю, в чём дело, но уверен, что в Уральске людей, из всех мук выбравших самую неизлечимую – муку творчества – больше, чем в любом другом известном мне городе».

Представляю, как он стал бы возражать, если б я назвала его историографом Уральска! А разве его очерки о литературном объединении, которое в 2000 году отметило своё пятидесятилетие, о талантливой художнице Елене Кабановой, о сельском учителе из Рубёжки и поэте Василии Безбородникове – не суть исторические хроники?

В череде публицистических работ Доронина особое место занимает «Глагол прошедшего времени. Лирические записки о тех, кого не забуду». Это рассказ об областной типографии имени Габдуллы Тукая. Здесь всю жизнь проработала верстальщиком мама Гены – Галина Трофимовна. До конца дней своих (а прожила она почти девяносто лет) Галина Трофимовна сохранила ясность и остроту ума. Ей хватило мудрости поддерживать добрые отношения со всеми тремя невестками, жёнами своего единственного сына, в котором она души не чаяла. Никто и никогда не слышал от неё ни одного хулительного слова в адрес снохи.

Профессионалом она была первоклассным! Долгие годы её портрет находился на городской Доске почёта.

Здесь, во дворе типографии, прошло доронинское детство.

«Глагол прошедшего времени» – это и семейная хроника, и рассказ о велико-терпении и жизнестойкости поколения наших родителей, на долю которых выпала и война, и разруха.

А ещё мы обязаны Геннадию Николаевичу возвращением имени Валериан Правдухина, талантливого писателя, долгие годы жившего в нашей области. В год семидесятилетия правдухинского похода по Уралу, который он совершил вместе с Лидией Сейфуллиной, Алексеем Толстым, братом Василием, два телевизионщика – Доронин и Зузанов решили повторить его путь. Их поддержала тогда заместитель акима города, а затем депутат Мажилиса Елена Тарасенко. Так появилась экспедиция «По следам Правдухина». Валериан Павлович после своего путешествия написал книгу «Вниз по Уралу», Геннадий Николаевич – серию очерков о состоянии нашей главной реки и её поймы. Увы, по сравнению с роскошеством Горыныча и прилегающих к нему лугов времён Правдухина нынешнее состояние Урала просто плачевно.

Этой экспедицией заинтересовались оренбуржцы, земляки писателя, признавшись: «Правдухина открыли нам уральцы». Сейчас на том месте, где когда-то находилась деревня, в которой родился Валериан Павлович, поставлен мемориальный камень. А в нашем городе создан Фонд Валериана Правдухина, на здании бывшего духовного училища, где прошли юношеские годы автора любимой всеми уральцами книги «Яик уходит в море», появилась памятная доска. При поддержке «Старого Уральска» филолог и краевед Николай Щербанов смог выпустить книгу «Неизданный Правдухин».

...А теперь вернёмся к началу очерка, прямо к самому его заголовку. Почему «Сопrotивление материализму»? Всё очень просто. В романе «Остров», выпущенном московским издательством «Алгоритм», один персонаж размышляет (цитирую по памяти): «Истмат – исторический материализм, диамат – диалектический материализм. А сопромат? Наверно, сопротивление материализму». Мне кажется, что этот роман – самое феерическое и самое мудрое на сегодняшний день творение Доронина. Диву даешься от безудержности фантазии автора, соединившего в одном времени персонажей средневековья и начала двадцатого века, Пушкина и Марину Мнишек, Никиту Савичева и Михаила Фрунзе. Только мне всё время хотелось логически объяснить это смешенье времён. И это объяснение пришло. На телеканале «Спас» шел разговор о сотворении мира. Подобно тому, как Бог создал свет и тьму, землю и небо, Он создал и время. И оно – едино. Это человек для своего удобства поделил его на категории: прошедшее, настоящее, будущее.

Кстати, мой сын, когда ему было лет десять, вдруг заявил: «А ты знаешь, что настоящего времени нет?» «Как так? – удивилась я. – А мы с тобой где же?» – «Мы с тобой просто во времени. Ведь вот я сказал какое-нибудь слово, и оно уже в прошлом. Ты взмахнула рукой, и этот взмах тоже в прошлом. А где же тогда настоящее?» Я не знала, что сказать. То есть я пыталась объяснить: например, можно обозначить настоящее границами одного дня, одних суток, ну и так далее. Но, похоже, мои доводы ребёнка не удовлетворили.

Читая «Остров», я вспомнила наш диалог с сыном и поразились одинаковости

суждений двух мужчин – маленького и большого. И еще я подумала, что разумом этого не сконструировать, категориями диамата не объяснить. Тут сплошное сопротивление материализму. Тут Божий промысел, Божье провидение, прямая связь творца с Творцом. Не напрасно же о сотворении шедевра говорят: «продиктовано свыше».

А ещё я люблю «Остров» за то, что главным действующим лицом романа является моя улица – Буянная, на которой я родилась и где прожила тридцать пять лет, и мой дом – с высоким каменным подклетом. Увы, как и типография имени Тукая, он остался только на страницах доронинского романа. Тем более благодарность моя безмерна!

А Доронин? Вроде бы не экстремал, не авантюрист, но после семидесяти он снова делает поворот в судьбе. Из столицы Казахстана переезжает в столицу Беларуси. И хоть понимаю, что Минск и Астана – города одного Евразийского союза, а всё равно грустно. Заграница всё-таки. Одна надежда: сумеет и на новом месте найти Кастальский ключ вдохновения. А его связь с родным городом не прервется. Ведь он сам написал:

«Люблю наш славный город Уральск, чудесные речки – Урал, Чаган, Деркул... Всегда тоскую о них... Куда бы ни заносила меня судьба, – и среди степных новостроек Астаны, и на берегах великих рек, и в горах Алатау – словом, везде и всегда мне не хватает моей родины...»

Я всё чаще думаю о прошлом, старею... Мне кажется, что в полувековой дали я не рассмотрел ещё самого главного, самого нужного... Оно всегда было рядом со мной, но не открывалось... Откроется ли?... Не берусь судить... Но, наверное, и за последней чертой, в невозвратной дали я буду скучать по тем временам, по моему провинциальному несравненному городу, по лучшей в мире реке – её ярам и пескам, стремнинам и заводям, по самому воздуху этой любимой и потерянной земли».

А Кастальский ключ в Беларуси обнаружился! В прошлом году Геннадий Доронин удивил и порадовал меня новым своим феерическим, антиутопическим, футуристическим, провидческим романом «Высокая эротика катастроф», опубликованном в «Просторе». Сопротивление материализму продолжается...

